

Малич К.А.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДОВ В НИДЕРЛАНДАХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ ИДЕАЛЬНОГО ОБРАЗА ГОРОДА И ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ

УДК: 72.036

ББК: 85.113(4)6

Аннотация

За годы Второй мировой войны в Нидерландах в ходе трагических бомбардировок были почти полностью уничтожены Ренен, Роттердам, Мидделбург, пострадали многие другие города. Чтобы определить предмет реконструкции разрушенных городов, для каждого отдельного полиса требовалось, с одной стороны, зафиксировать ключевые элементы, требующие воссоздания (планировка, архитектура), а с другой – понять, собственно, характер города, его исключительную функцию. В первом случае речь шла о воссоздании визуального образа города, во втором – о восстановлении его роли (в экономике, культуре, политике). Именно эти две модели реконструкции разрушенных городов в Нидерландах были реализованы на практике после Второй мировой войны. В отношении градостроительной теории итоги послевоенной реконструкции оказались чрезвычайно многогранными. В процессе восстановления разрушенных городов появился шанс уточнить ключевые характеристики культурного наследия, идентифицировать важный исторический опыт, найти компромисс между радикальными градостроительными решениями модернистов и консервативными идеями традиционалистов.

Ключевые слова

голландский функционализм, градостроительство, традиционализм, реконструкция, Нидерланды

За годы Второй мировой войны в Нидерландах в ходе бомбардировок были почти полностью уничтожены Ренен (1940, 13 мая), Роттердам (1940, 14 мая), Мидделбург (1940, 17 мая), пострадали многие другие города. Дискуссия о том, каким образом предстоит восстанавливать разрушенные полисы, началась практически сразу после трагических событий, разработка проектов велась на протяжении всех лет нацистской оккупации. Казалось очевидным, что придумать единую схему для реконструкции невозможно: ведь чтобы определить предмет реконструкции, для каждого отдельного полиса требовалось, с одной стороны, зафиксировать ключевые элементы, требующие воссоздания (планировка, архитектура), с другой – понять, собственно, характер города, его исключительную функцию, поскольку полис, помимо физических параметров (размер, планировка кварталов, дороги), зависит от своей истории, от живущей в каждом квартале памяти места, от того, какую репутацию приобрели отдельные районы, какими характеристиками со временем наделили город сами горожане. Необходимо было определить, что составляло образ города – *imago urbis* и гений места – *genius loci* (в понимании *genius loci* как некоего духа места, запечатленного в архитектуре, меры культурной и исторической идентичности [12]).

В дискуссии о послевоенном будущем голландских городов, отраженной на страницах журнала «*Вопш*», были поставлены два важных вопроса: о сохранении исторического характера традиционного голландского города (ведущего начало от Золотого века нидерландской архитектуры) и о необходимости обеспечить функциональное развитие полиса [18, р. 147]. В первом случае речь шла о воссоздании визуального образа города, во втором – о восстановлении его роли (в экономике, культуре, политике). Именно эти две модели реконструкции разрушенных городов в Нидерландах были реализованы на практике после Второй мировой войны. Самым показательным примером оказалась история торгово-промышленного мегаполиса Роттердама и отрады любителей средневековой архитектуры

Рис. 1. Мидделбург. Открытка начала XX века

Рис. 2. Мидделбург после авианалета 1940 года. Фотооткрытка

– Мидделбурга. Рассмотрим подробно историю реконструкции этих городов.

Мидделбургская крепость была основана еще в IX веке, до сих пор ее планировка формирует очертания центра. В 1123 году был заложен монастырь, позднее появились торговые гавани, в XVI веке Мидделбург стал одним из крупнейших торговых городов, центром стеклотрубопроводного дела. Однако с XVIII века он теряет свое экономическое значение, сохраняя роль тихого периферийного административного центра. Готическая ратуша, аббатство, ансамбль рыночной площади, набережные с бывшими купеческими домами – внушительное наследие архитектуры XI–XVIII веков – стали объектом паломничества туристов и предметом гордости местных жителей. Туризм оказался главной статьей дохода города. Постепенно Мидделбург в представлении горожан превратился в город эпохи Золотого века Нидерландов – образ, возникший как классический результат работы коллективной памяти (более склонной к мифологизации, чем частные воспоминания) (рис.1). Этот идеализированный *imago urbis* Мидделбурга был сконструирован на основе ключевых точек местной топографии – аббатства и ратуши – *genius loci* и изначальных символов города, определивших его историю и развитие, подобно тому как «священные истоки» Венеции или Рима, их сакральные топосы, много раз переработанные коллективной памятью, также отвечают за *imago urbis* легендарных городов [15, р. 139]. Мифологизация образа ведет к рождению легенды и появлению ностальгии по выдуманной утраченной гармонии (к поискам *imago urbis* справедливо можно было бы отнести многочисленные попытки реконструировать обетованные места и земли, начиная с действительно существовавшего первого Храма Соломона и заканчивая литературными хронотопами Монсегюра и Камелота). Утрата исторической части Мидделбурга оказалась не просто колоссальной материальной потерей (в ходе бомбардировки были разрушены ратуша, аббатство, 253 дома, 320 контор и магазинов), но и гибелью источников мифа, важных ориентиров для идентификации города и его жителей (рис. 2). Не случайно даже первые проекты реконструкции города, созданные под контролем немецких властей, для которых коренная перестройка города означала столь желаемый отказ от местной традиции [19, р. 345], достаточно формально следовали предписаниям нацистов. Главной задачей оказалось сохранение и воссоздание утраченного города, его уникальной атмосферы и исторического ландшафта.

Реконструкция Мидделбурга была вверена традиционалистам, а именно – Питеру Верхагену, ученику и сподвижнику основателя Дельфтской школы Маринуса Яна Гранпрэ-Мольере. Для представителей Дельфтской школы история оставалась единственным инструментом создания «лучшего прошлого» [5, р. 64], *imago urbis* Мидделбурга сводился в их концепции к идеализированному мифу о минувшем. Проект Верхагена (всего было разработано три версии) сохранял общую схему городской топографии, его узловыe элементы – аббатство, ратуша, рыночная площадь, общественные учреждения, скверы. Проект не

Рис. 3. План Мидделбурга 1652 г. План Мидделбурга 1940, 1942 гг.

предполагал воссоздания города с точностью до сантиметра, но те изменения, которые архитектор внес в план Мидделбурга, лишь уточнили его иерархию, еще более основательно утверждали роль достопримечательности в резиденции окружного муниципалитета. Чтобы обеспечить лучший обзор монастырю и ратуше, Верхаген предложил изогнуть историческую радиальную перспективу, разрезавшую пополам старый город. Теперь проспект открывал неожиданный, живописный вид на два главных памятника после их реставрации. В новой топологии аббатство оказалось изолированным от оживленных городских улиц, а шпиль ратуши превратился в главный визуальный акцент центральных кварталов. Верхаген также четко обозначил обновленную торговую зону: расширил рыночную площадь, превратив ее трапециевидную форму в прямоугольник (рис. 3).

Стоит признать, что в жертву были принесены не только 465 домов, разрушенных во время бомбардировки, но и еще 46 зданий, которые стояли на пути изменений, внесенных Верхагеном. Следуя актуальной концепции функционального зонирования, зодчий запланировал на границе с историческим центром несколько жилых районов. Но в остальном традиционалисты упорно воссоздавали мифический «мидделбургский» стиль и то, что Верхаген считал «типично голландским городом». Однако, как скептически отмечал другой традиционалист Йоханнес Факе Бергхуф (в те годы уже все больше присматривавшийся к функциональным методам), проблема заключалась в том, что не существовало четкого формального определения, типичного мидделбургского дома или архитектурного стиля [3, р. 14–31]. Это была достаточно эклектичная смесь поздней готики, Северного Возрождения и рядовой бюргерской застройки XVIII–XIX веков. Утраченные дома не строились заново, воссоздавался именно исторический образ города. Каждый дом получил свой индивидуальный план, жилые блоки и комплексы были отвергнуты как чуждое нововведение XX века.

Первоначально Верхаген попытался отказаться от традиционной открытой кирпичной кладки, предложив выкрашенные в белый цвет оштукатуренные фасады. Он даже писал, что боится кирпичного города: «В конце концов это будет мрачно и монотонно. И это не будет Мидделбург... Я не хочу задыхаться в кирпичных стенах» [6, р. 133]. Тем не менее, неоштукатуренный кирпич был самым распространенным строительным материалом в Нидерландах, и именно его «на средневековый манер» использовали при реконструкции большинства зданий в Мидделбурге.

Сама по себе идея реставрации города путем воссоздания и консервации памятников архитектуры прошлого не была новой. Понятие *instauratio urbis* – повторение, восстановление города, появилось еще в XV веке в контексте главного руинированного города Европы – Рима. Речь шла о спасении архитектурного наследия ради сохранности уникальной атмосферы города и его интенсивного развития (знаменитое письмо Бальдассаре Кастильоне, представлявшее папе Льву X рисунки римских руин Рафаэля).

Рис. 4. Роттердам после авианалета 1940 года.
Фотография: Королевская авиационная компания /
Институт Марии Австрийской (Koninklijke Luchtvaart
Maatschappij / Maria Austria Institute)

Показательно, что традиция картографии Рима, превращенного в грандиозное скопление древностей (например, у Пиранези в его знаменитом «*Le antichità romana*» и «*Ichonographia Campi Martii antiquae urbis*», или у Пирро Лигорио в «*Antiquae urbis imago of 1561*»), раздражала модернистов, ибо противоречила идее градостроительной инициативы Современной архитектуры. Ле Корбюзье писал, что вопреки претензиям на осевую симметрию и общего городского плана, «Рим – это городская форма, составленная из нагромождения масс и объемов зданий» [2, р. 94]. Логично, что план Верхагена, несмотря на то, что все-таки учитывал достижения градостроительства XX века,

вызвал бурю негодования. Представители функционализма боялись, что реконструкция Мидделбурга ограничится фиксацией воспоминаний и обернется структурой, непригодной в качестве основы для будущих границ города. «Городу нужны новые способы, чтобы справляться с транспортным потоком, нельзя не придавать значения автомобилю; хотя они отказались от того, чтобы жилые дома и общественные здания передавали облик времени, но мы ведь живем сейчас... На мой взгляд, то, как выглядит город в 1942 году, – это фальшивый мир» (перевод наш. – К. М.), – писал один из критиков [6, р. 134].

В этом процессе действительно присутствовала определенная преемственность от Средневековья, правда, не стилистическая, но мировоззренческая – когда сила традиции оказывалась важнее опыта. Средневековые рассказчики воссоздавали целые картины мира *Imagines mundi*, описывая страны, в которых сами никогда не были, но согласно устоявшимся представлениям об этих землях. И еще более этот традиционализм усиливался боязнью ереси, появления новой информации, противоречащей устоявшейся картине мира. Точно так же и Верхаген отказывался приглашать к сотрудничеству функционалистов, опасаясь, что они нарушат сдержанный образный строй, выбранный им для нового старого Мидделбурга. Планы развития, подготовленные для Мидделбурга, едва ли могли быть приспособлены под новые типы жилья, которые появились в результате индустриализации современного строительства. Более того, Верхаген сам признавал: «Когда план был, наконец, готов, после многих мелких правок, он больше не отвечал моим убеждениям. Я понял, что за те годы, что прошли, появились новые взгляды и новые проблемы» (например, типовое жилье) [6, р. 136].

Мидделбург воссоздавали заново (аналогично были реконструированы Вагенинген, Ренен), и это обстоятельство ничуть не помешало ни развитию туризма – основного экономического инструмента города, ни работе местного правительства. Более того, «новодельность» Мидделбурга быстро была позабыта, и город снова стал ассоциироваться с патриархальным, исконно голландским укладом и традициями. Реконструкция как воссоздание позже никогда не становилась предметом общественного недовольства или порицания, напротив, Мидделбург и Ренен кажутся сегодня образцовыми старыми европейскими городами, в отличие от другой модели, восстановления, ставшей сегодня предметом широкой дискуссии. Рассмотрим вторую схему на примере реконструкции Роттердама.

14 мая 1940 года на город было сброшено около 97 тонн бомб, сгорели дотла кварталы на территории более 2,5 км², центр города был полностью уничтожен, разрушены 27

Рис. 5. План реконструкции Роттердама. В. Г. Виттевен. 1940-1941.
Из коллекции городского архива Роттердама (Staatsarchief Rotterdam)

000 квартир и 11 000 зданий (рис. 4). Рейхскомиссариат Нидерландов, возглавляемый А. Зейссом-Инквартом, рассматривал Роттердам в качестве новой германской метрополии и «главного порта империи», поэтому решение о его скорейшей реконструкции было принято очень быстро. Уже через четыре дня после бомбардировки архитектора Виллема Геррита Виттевена попросили разработать план нового города на два миллиона жителей (при том что в 1940 году численность населения составляла около 620 000 [4, p. 53]). Реконструкция Роттердама воспринималась как проект национального масштаба, поэтому была создана специальная Государственная комиссия по восстановлению, контролировавшая все стадии подготовки и ведения строительных работ. Волевым решением комиссии весь исторический центр города оказался в распоряжении Виттевена: были разобраны огромные руины, полностью демонтированы все подземные коммуникации (канализация, водопровод, телефонные кабели), даже урегулированы правовые отношения с бывшими собственниками земли и зданий. Роттердам превратился в «чистый лист», ничто не мешало архитекторам спроектировать абсолютно новый город, не имеющий ничего общего с тем, что был разрушен люфтваффе. Это была идеальная ситуация для воплощения планов модернистов о радикальной расчистке центра города от старых тесных кварталов, жилых трущоб без элементарных коммунальных удобств, борьба с которыми постепенно велась после вступления в силу Жилищного акта 1901 года. По сути, после войны были реализованы все масштабные замыслы, о которых грезил архитекторы в период между войнами.

Виттевен был опытным урбанистом, более того, он проработал в архитектурном совете Роттердама более шестнадцати лет. Архитектор восстановил треугольное

Рис. 6. Главный план реконструкции Роттердама. К. Ван Траа. 1946.
Из коллекции городского архива Роттердама (Staatsarchief Rotterdam)

очертание центра, перенес функциональную часть гавани в ее историческую часть XVII века, предложил усовершенствовать схему железнодорожных веток, оптимизировав сообщение с Утрехтом и Гаагой. Однако этим дань исторической идентичности Роттердама исчерпывалась. Придерживаясь строгой системы зонирования, Виттевен отдал центр на откуп офисам и магазинам. Для жилых домов отводились территории на периферии метрополии, за пределы центра (к северу от знаменитой фабрики Ван Нелле) выводились все промышленные объекты. Город был взят в кольцо широкими бульварами, соединенными между собой лучами транспортных артерий. В проекте преобладали четкие перспективы, главный проспект вел от площади Хофплайн, рассматриваемой как центр нового Роттердама, на северо-восток, к портовой зоне. Ближе к реке транспортная сеть становилась все менее интенсивной, появились променады, зоны отдыха. Из исторических достопримечательностей чудом уцелели во время бомбардировки лишь ратуша и церковь Святого Лаврентия (причем собор всерьез предлагали снести и оставили лишь как символ несокрушимости Роттердама) (рис. 5).

В течение несколько лет план реконструкции несколько раз корректировался, в результате за основу был взят еще более радикальный, чем у Виттевена, вариант модернизации города: «Главный план реконструкции Роттердама» (Basisplan voor de Wederopbouw van Rotterdam, 1946), автором которого стал помощник Виттевена, Корнелис Ван Тра (рис. 6). Его проект демонстрирует полный разрыв с исторической планировкой (из старых улиц остались лишь Кулсингел, Гаудесингел, набережная Бомпъес), город был «сдвинут» на запад к реке. Самюэль Ван Эмбден в комментарии к «Главному Плану» писал: «Осознаете ли вы, жители Роттердама, что многое из самых дорогих воспоминаний о том, что было утрачено в майские дни, было по сути недостатком старого города... Когда мы перестраиваем наш новый город, нам необходимо создать совершенно новый,

Рис.7. Плакат выставки «Rotterdam Ahoy!». 1950

Рис.8. Дирижабль «Цепелин» над Роттердамом и старым портом. 1932. Из коллекции городского архива Роттердама (Staatsarchief Rotterdam)

хорошо сидящий наряд» [14, р. 160]. Вильгельм Франц Лихтенауер, генеральный секретарь Торговой палаты Роттердама призывал к бескомпромиссному обновлению города, отмечая, что устаревшие здания достались в наследство от периода, который был «не особенно славен достижениями в градостроительстве» [17, р. 206]. Старый Роттердам не вызывал ни рефлексий, ни ностальгии у его жителей. Разрушен был не только город, но и личное переживание жителями пространства, бывшего еще недавно их родным домом [10, р. 3].

Один из исследователей европейской реконструкции однажды заметил, что «чем больше трагедия, тем ярче представления о рае» [16, р. 33]. Всеобщее воодушевление, которое царило в послевоенном Роттердаме, было связано с ожиданиями близкого счастливого будущего, попыткой как можно быстрее забыть о трагедии. Государственная пропаганда укрепляла эти общественные настроения. В 1950 году власти Роттердама организовали зрелищную выставку, посвященную планам превращения города в самый большой порт мира (рис. 7). В заглавии «Rotterdam Ahoy!» был использован термин, позаимствованный у моряков. За два месяца (с 15 июня по 15 августа) выставку посетило полтора миллиона человек!

Смыслом существования нового Роттердама стало тотальное обновление. Золотой век Нидерландов не имел для Роттердама такого значения, как для других голландских городов, слишком много экономических достижений было связано здесь со второй половиной XIX века (в 1872 году, после строительства канала для океанских судов, роттердамская гавань стала крупнейшей в мире) (рис. 8). Роттердам получил шанс подтвердить и восстановить свой статус самого передового и динамичного города Нидерландов, крупнейшего порта и индустриального центра. «Главный план реконструкции Роттердама» поддерживали влиятельные бизнесмены и промышленники, а муниципальные власти обеспечили максимальную централизацию ресурсов. Логично, что *genius loci* для Роттердама стал не исторический центр, но порт и многочисленные гавани: в них была гарантия устойчивого экономического развития города, залог будущей стабильности. Актуальным оказался опыт американских городов: инфраструктура консюмеризма и государства благоденствия создавалась с оглядкой на Нью-Йорк, Чикаго. Голландские архитекторы ездили в 1947 году в США знакомиться с работами своих американских коллег. Именно Роттердам стал главной площадкой для эксперимента с Интернациональным стилем в его классической, американизированной версии (проекты Маасканта, ван Тейена, Гроссмана, бюро ван ден Брука и Бакемы).

Одной из ключевых задач плана восстановления Роттердама стала реорганизация

Рис. 9. Отель «Хилтон» на площади Хофплейн, Роттердам. Х.А. Маскант. 1956.
Из коллекции Нидерландского архитектурного института

площади Хофплейн. Здесь сходились три важнейших транспортных артерии, располагались службы администрации. Хофплейн должна была стать центром нового города и символом нового мира – счастливого, благополучного и современного. Воплощением этого мира стали проекты Хью Маасканта – ключевой фигуры в истории послевоенной реконструкции в Нидерландах. Проект отеля Хилтон в Роттердаме – классика модернизма 50-х, одна из его программных работ (рис. 9). Многоэтажное здание с обширными полосами остекления по фасаду, элегантными плоскими козырьками и практически транспарентным нижним блоком с зоной лобби, ресторанами и магазинами. “Исчезновение” стен нижнего этажа служит интеграции замкнутого пространства лобби гостиницы с городом, возникновению новых социальных функций, превращению отеля в центр общественной жизни. Другим классическим примером многофункционального общественного здания эпохи реконструкции был офисный комплекс Гудсезингел (или Гротандельсгебоу, Groothandelsgebouw, 1945–1951): это одно из первых зданий, построенных в городе после войны. Сюда должны были переехать множество контор, потерявших свои помещения во время бомбардировки. В работе над проектом Мааскант также использовал американский опыт строительства крупных офисных центров, с которыми он познакомился во время своей поездки по США.

Огромное количество частных лавок и магазинов, арендовавших помещений до войны в центральной части города, было решено перевести в единый торговый квартал вдоль проспекта Лейнбан. План застройки разработало бюро Й. Х. Ван ден Брука и Я. Б. Бакемы (1948–1953), взяв за образец американские прототипы (рис. 10–11). Вдоль проспекта Лейнбан были возведены двухэтажные блоки для торговых помещений, за ними выросли кварталы с многоэтажными домами. Архитекторы разработали четыре стандартных вида оформленных в едином стиле торговых помещений, которые по своему вкусу и потребностям позже дорабатывали хозяева магазинов. За основу взят модуль 1,1 м. Исходя из него проектировалось все: фасад, мостовая, уличные фонари и мебель, рекламные площади, витрины и интерьеры. Это была первая в Европе (и одна из первых в мире) пешеходная торговая зона. Квартал торжественно открыли 9 октября 1954 года, и современникам, только что прошедшим через страшные годы войны, Лейнбан показался видением из фантастического будущего. Льюис Мамфорд писал, какое удивительно «теплое, радостное и почти легкомысленное» впечатление производил комплекс с развевающимися флагами, рядами тоненьких акаций, изящными цветочными клумбами, стеклянными кафе, а главное – фигурами, снующими между магазинами, то врываясь в пятна солнечного света, то исчезая в тени козырьков. Эта картина «единства и гармонии радовала глаз» [11, р. 174].

Рис.10. Застройка кварталов пешеходной зоны «Лейнбан», Роттердам. Й. Х. Ван ден Брук, Я. Б. Бакема. 1950. Из коллекции Нидерландского архитектурного института

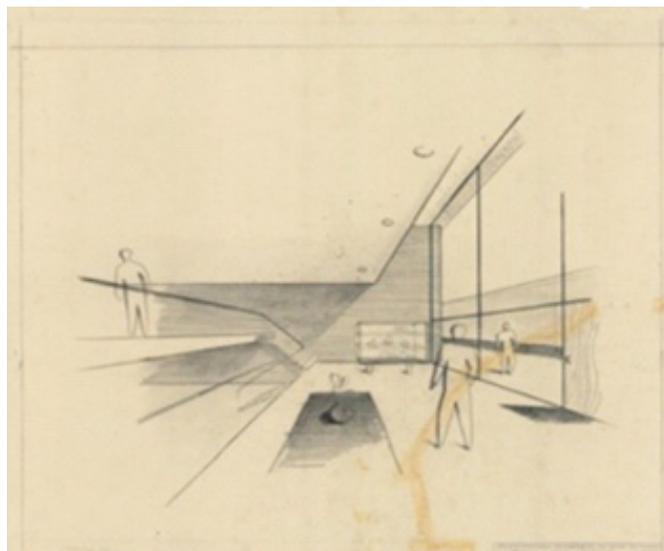

Рис.11. Застройка кварталов пешеходной зоны «Лейнбан», интерьеры магазинов. Й. Х. Ван ден Брук, Я. Б. Бакема. 1949. Из коллекции Нидерландского архитектурного института

Вплоть до конца 1960-х годов пример Роттердама оставался актуальным. В сильно пострадавшем во время войны Хугфлите также не стали реставрировать разрушенные кварталы. На их месте возвели торговый центр, а новые районы начали проектировать на территории примыкавших к городу старых деревень [13]. Жители и власти Хугфлита боролись со своим положением пригорода Роттердама, им хотелось доказать независимость от современного, технически совершенного «большого брата». Реконструкция давала шанс обрести и утвердить новый характер. Среди идиллического пасторального пейзажа выросли небоскребы офисов и строчки новых типовых жилых кварталов. Муниципальные власти видели Хугфлит в роли быстроразвивающегося города-спутника, в котором жили бы рабочие и инженеры стремительно растущего порта и промышленного сектора Роттердама. В проекте расширения и дальнейшей урбанизации полиса архитектор Лотта Стам-Бесе соединила идеи функционального города (зонирование городской территории, разделение транспортных и пешеходных потоков) и английского зеленого Нового города (обширные зеленые зоны, чередование высотной и малоэтажной жилой застройки, сплоченные отношения между жителями микрорайона). Апофеозом реконструкции для Хугфлита стал 1968 год, когда здесь появилась первая ветка нидерландского метро: город получил главный атрибут современного полиса в обход многих своих преуспевающих конкурентов.

Схожие процессы мы видим и на периферии, в сельской местности, будущее которой ассоциировалось с интенсивным развитием, например деревня де Крим (провинция Оверэйссел в восточной части Нидерландов, окрестности города Харденберг, архитектор Р. Нас, 1970). Канал Луттерхуфдвейк, устроенный в процессе мелиорации, служил водной транспортной артерией, а в случае с проектом Р. Наса – и красной линией для застройки новых жилых кварталов. Предполагалось, что тотальная урбанизация рано или поздно должна была охватить большинство окружающих территорий, поэтому нужно было заранее определить схему и направление для роста будущих районов.

Нереализованным остался план реконструкции Тилбурга Брюка и Бакемы (1964–1975) (рис. 12). Город в провинции Северный Брабант в течение нескольких столетий начиная с XVII века считался главным центром по производству шерсти в Нидерландах. После войны прядильная индустрия переживала кризис и в 1960-е окончательно разорилась. В эти же годы мэрия города поставила вопрос о реконструкции старого

Рис.12. План благоустройства центра Тилбурга. Й. Х. Ван ден Брук, Я. Б. Бакема. 1964–1975. Из коллекции Нидерландского архитектурного института

Тилбурга и сносе исторических кварталов. Вместо лабиринта средневековых улочек здесь должна была появиться большая площадь, окруженная кварталами многоэтажных офисных зданий. Проект – очень характерный в ряду реорганизаций исторических центров, предпринятых после войны в Нидерландах.

Безусловно, не в каждом городе решения о применении модели воссоздания или восстановления принимались единогласно. В случае, например, с Гронингеном, над проектом реконструкции которого работал Ян Гранпрэ-Мольере, архитектор оказался в эпицентре споров между различными

политическими силами: городские власти хотели кардинальных перемен и строительства огромного культурного центра, вытесняя старую торговую зону, правое крыло требовала учитывать интересы экономического сектора, социал-демократы – права горожан на отдых, общение и социальную защиту. Сам Гранпрэ-Мольере шел по пути восстановления города, воспринимая реконструкцию как культурный Ренессанс, возможность исправить архитектурные (такие как, например, буржуазная эклектика здания театра и концертного зала) и градостроительные ошибки XIX века. Очистить центр города от лишних наслоений – в этом он видел задачу и смысл столь необходимого обновления. Предлагая скорректировать очертания главной площади, он пояснял: «историческая форма площади будет утрачена, но ее историческое величие вернется» [9]. В случае с Гаагой, напротив, власти просили в ходе реконструкции лишь восстановить утраты, не предлагая радикальных и революционных решений. Именно поэтому все предложения Виллема Дудока о строительстве нового современного города – резиденции правительства и администрации [8, р. 248] – не встретили понимания у муниципалитета.

Реконструкцию и восстановление можно рассматривать как кульминацию градостроительной теории 1920–1930-х годов. В то же время именно с этого послевоенного этапа начинается разочарование в утопическом замысле пионеров Современного движения спланировать идеальный продуманный полис, созданный волевым решением архитекторов и по расчету инженеров. Как только в 1965 году вышли новые правила, регулировавшие финансовые взаимоотношения между федеральными властями и муниципалитетами («Physical Planning Act»), исчезла необходимость в едином государственном национальном плане реконструкции и градостроительного планирования. Жесткая централизация ушла в прошлое, местные власти получили больше автономии. Децентрализация стала причиной формирования Рандстада – агломерации, заключенной в окружность магистралей, соединяющих четыре крупнейших города страны: Роттердам, Амстердам, Утрехт и Гаагу. В центре этой территории расположены буферные рекреационные зеленые зоны и сельскохозяйственные территории, которые с годами неумолимо сокращаются и урбанизируются [7, р. 162]. Показательно, что между четырьмя городами не существует иерархии, Рандстад полицентричен, залогом его существования является взаимодействие между разделяющими функции, а иногда и конкурирующими полисами.

Все, что ценило «поколение реконструкции», в миг стало отвергаться. В середине 1960-х годов изменились перспективы экономического роста и все, что было связано с прогрессом, американизмами, утопической глобальной иерархией, стало вызывать раздражение [14, р. 25]. В строительной индустрии в начале семидесятых начинают

Рис.13. Реконструкция жилого квартала «Званенбургвал», Амстердам. П. Де Лей, Ф. Ортхейс. 1982-1985. Из коллекции Нидерландского архитектурного института

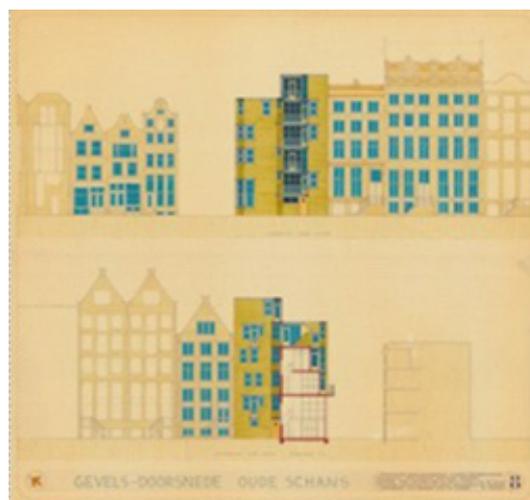

Рис.14. Жилые дома в районе «Ниумаркт», Амстердам. А. Ван Эйк, Т. Бос. 1975. Из коллекции Нидерландского архитектурного института

принимать деятельное участие крупные компании, частные инвесторы. Ситуация усугублялась тем, что современные кварталы, возведенные в ходе послевоенной реконструкции, не всегда вызвали одобрение горожан, первоначально так искренне приветствовавших восстановление своих городов согласно новым градостроительным принципам. Жилые районы часто были совершенно изолированы от центра (например, Пампус, Александерпольдер, Бейлмер). Социальная разнородность населения мешала ее интеграции (так, в Хуглифте это была смесь роттердамских докеров и иммигрантов из южных сельских провинций). Многоэтажные офисные комплексы в центре и все уплотнявшийся трафик создавали достаточно неуютную атмосферу в центре. Инерция жизни оказалась отличной от той, что ожидали проектировщики. О том, что процесс послевоенной урбанизации должен быть скорректирован, постоянно писали даже психологи. И в конце 1960-х годов в Нидерландах горожане впервые потребовали активного участия в принятии решений о застройке старых и новых районов. Когда власти Амстердама предложили построить новыми многоэтажными офисными комплексами исторический квартал Ниумаркт в центре города, горожане выступили категорически против. В результате район был деликатно отреставрирован: здесь были построены новые жилые комплексы, созданные по индивидуальным проектам с учетом особенностей местного городского контекста, соразмерно окружающему ландшафту. За основу для общего структурного порядка архитекторы принимали ритм и логику уже существующих исторических кварталов, память места, законы будничной жизни – спонтанной и не подлежащей четкому планированию. Аналогично были перестроены микрорайоны Йордан, Зволле, Званенбургвал в Амстердаме, исторический центр Тилбурга и многие другие (рис. 13–14).

Так реконструкционные модели воссоздания и восстановления слились в единую систему, которая учитывала и характер, и функцию, и исторический контекст места действия архитектуры. Этот градостроительный процесс принадлежал совершенно новому периоду в истории урбанистики Нидерландов. В нем не осталось ничего общего с теми формулами, которые предлагали зодчие на этапе послевоенной реконструкции. Перелом произошел не только в силу изменений экономической ситуации в стране и завершения фактической реконструкции голландских городов, но также из-за разочарования в модернистской утопии. Догматизм, призванный после войны на службу государству, пытавшемуся в короткие сроки выстроить общество всеобщего благополучия, был

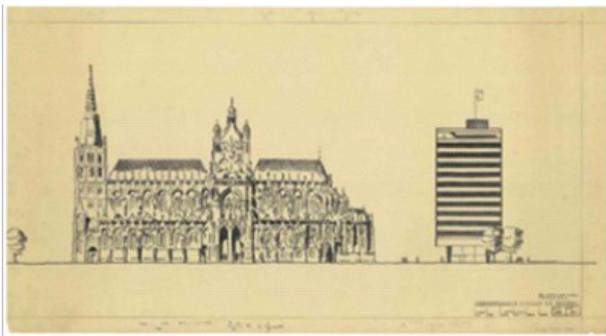

Рис.15. Здание областной администрации, Ден Бос (Хертогенбос). Х. А. Масконт. 1952).
Из коллекции Нидерландского архитектурного института

отвергнут на всех уровнях – от государства и чиновников до архитекторов и горожан. Эта концепция, безусловно, заставляет вспомнить об антимодернистской, средневековой модели города, в которой его неортогональность складывалась не стихийно и хаотично, но «выращивалась» последовательно и вдумчиво. В отличие от «планового» градостроительства XX века, которое предлагало конечное состояние города, «коллективная воля градодельцев» гибко управляла реальными процессами развития полиса

[1, с. 217–218]. В 1970-е годы в архитектуре Нидерландов происходит частичная реставрация этой схемы, и причиной этого, возможно, стала актуализация представлений традиционалистов о развитии города и вновь обретенное значение некоторых аспектов модели воссоздания города. Мировоззрение традиционалистов в 1970-е годы оказывается намного более востребованным, чем в 1940-е. Коллективная память о недавнем прошлом играла незначительную роль сразу по окончании войны (в это время лишь одна частная организация «Bond Neemschut» активно призывала сохранять и реставрировать памятники исторического архитектурного наследия). Но уже в конце 1960-х на защиту исторического центра Амстердама встают тысячи горожан (рис.15).

В отношении градостроительной теории итоги послевоенной реконструкции оказались чрезвычайно многогранными. В процессе восстановления разрушенных городов появился шанс уточнить ключевые характеристики культурного наследия, идентифицировать важный исторический опыт. Во многих случаях, и таково было веяние времени, города стали экспериментальным полем для бумажных утопий 1920–1930-х годов. Но реконструкция не повлекла за собой коренной и бесповоротной смены пути развития градостроительства и архитектуры. Она убедила зодчих и горожан в возможности компромисса. И доказательством плодотворности этой концептуальной терпимости является то, что спустя несколько десятилетий авангардные послевоенные схемы сами стали предметом пересмотра и реконструкции, поскольку стали предметом истории, обрели свой характер и оказались частью коллективной памяти.

Библиография

1. Иконников, А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве / А.В. Иконников. – М., 2006.
2. Aurelli, P. V. The possibility of an Absolute Architecture / P. V. Aurelli. – Cambridge, MIT Press, 2011.
3. Bergoeff, J. F. Stedebouwkundige en architectonische aspecten van Middelburg's wederopbouw / J. F. Bergoeff // Akademie Dagen, IV, 1951.
4. Bianchini, F., Parkinson, M. Cultural Policy and Urban Regeneration: The West European Experience / F. Bianchini, M. Parkinson. – Manchester University Press, 1993.
5. Bosma, K. Planning the Impossible: History as the Fundament of the Future – the Reconstruction of Middelburg, 1940-4 / K. Bosma. – Diefendorf, 1990.
6. Bosma, K. Wagenaar, C. Geruisloze Doorbraak. De geschiedenis van architectuur en stedebouw tijdens de besetting en wederopbouw in Nederland / K. Bosma, C. Wagenaar. – Rotterdam, 1995.
7. Cook, E., Jesus, L. J. Remaking Metropolis: Global Challenges of the Urban Landscape / E. Cook, L. J. Jesus. – Oxford: Routledge, 2013.

8. Dudock, W. M. S-Gravenhage: stad en structuur / W. M. Dudock // Forum, # 4 (1947) 7.
9. Granpre Moliere, M-J. Minutes of the reconstruction committee / M-J. Granpre Moliere. –April, 10.
10. Jones, H. British Civilians in the Front Line: Air Raids, Productivity and Wartime Culture, 1939-45 / H. Jones. – Manchester, 2006.
11. Mumford, L. The Sky Line: A Walk through Rotterdam / L. Mumford // New Yorker. – 1957. – XXXIII. – October 12.
12. Norberg-Schulz C. Genius Loci. Towards a Phenomenology of Architecture / C.Norberg-Schulz. – London: Academy Editions, 1980.
13. Provoost, M. WIMBY! Hoogvliet. Rotterdam, NAI Publishers, 2008.
14. Schuyt, K., Taverne, E. Dutch Culture in a European Perspective: 1950, prosperity and welfare / K. Schuyt, E. Taverne. – Uitgeverij Van Gorcum, 2004.
15. Tafuri, M. Venice and the Renaissance / M. Tafuri. – MIT Press, 1995.
16. Tscherkes B. «We want to eliminate all traces of the war!». Post-war reconstruction in Soviet Posters / B. Tscherkes // Happy cities and Public Happiness in Post-War Europe. Ed. Wagenaar C. – Rotterdam: 010 Publishers, 2004.
17. Tscherkes B. Rotterdams nieuwe binnenstad / B. Tscherkes. – Bouw, 3, 1948.
18. Vragen en antwoorden // Bouw, 1947.
19. Wagenaar, C. Town Planning in the Netherlands since 1800 / C. Wagenaar – Rotterdam: 010 Publishers, 2011

Малич Ксения Александровна,
научный сотрудник,
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kseniamalich@gmail.com

Статья поступила в редакцию 08.04.2014
Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2014_2/9
© Малич К.А. 2014
© УралГАХА 2014

RESTORATION OF THE DUTCH CITIES AFTER THE SECOND WORLD WAR: A SEARCH FOR AN IDEAL URBAN IMAGE DURING THE RECONSTRUCTION PERIOD

Abstract

During the Second World War, tragic bombings destroyed almost completely the Dutch cities of Rhenen, Rotterdam, and Middelburg and caused damage to many other cities. To determine the scope of reconstruction in the destroyed cities, it was essential, on the one hand, to identify physical elements to be restored (planning, architecture) and, on the other hand, to understand the nature of the city and its exclusive function. In the first case, it was about recreation of city's visual image; in the second case, restoration of its role (in the economy, culture, and politics). These two models of reconstruction were put into practice in the destroyed cities in the Netherlands after World War II. With regard to urban planning theory, the outcomes of the post-war reconstruction were extremely multifaceted. The reconstruction process provided an opportunity to clarify the key features of the cultural heritage, identify important historical experiences, and find a compromise between the radical urban planning solutions of the modernists and the conservative ideas of the traditionalists.

Key words

Dutch functionalism, town-planning, traditionalism, reconstruction, the Netherlands

References

1. Ikonnikov, A. V. (2006) Space and Form in Architecture and Town Planning. Moscow: Kom-Kinga. (in Russian)
2. Aurelli, P. V. (2011) The Possibility of an Absolute Architecture. Cambridge: MIT Press.
3. Bergoeff, J. F. (1951) Stedebouwkundige en architectonische aspecten van Middelburg's wederopbouw. Akademie Dagen, IV.
4. Bianchini, F., Parkinson, M. (1993) Cultural Policy and Urban Regeneration: The West European Experience. Manchester University Press.
5. Bosma, K. (1990) Planning the Impossible: History as the Fundament of the Future – the Reconstruction of Middelburg, 1940-4. Diefendorf.
6. Bosma, K. Wagenaar, C. (1995) Geruisloze Doorbraak. De geschiedenis van architectuur en stedebouw tijdens de besetting en wederopbouw in Nederland. Rotterdam.
7. Cook, E., Jesus, L. J. (2013) Remaking Metropolis: Global Challenges of the Urban Landscape. Oxford: Routledge.
8. Dudock, W. M. (1947) S-Gravenhage: stad en structuur. Forum, # 4.
9. Granpre Moliere, M-J. (1946) Minutes of the Reconstruction Committee. April, 10.
10. Jones, H. (2006) British Civilians in the Front Line: Air Raids, Productivity and Wartime Culture, 1939-45. Manchester.
11. Mumford, L. (1957) The Sky Line: A Walk through Rotterdam. New Yorker, XXXIII, October 12.
12. Norberg-Schulz C. (1980) Genius Loci. Towards a Phenomenology of Architecture. London: Academy Editions.
13. Provoost, M. (2008) WIMBY! Hoogvliet. Rotterdam, NAI Publishers.
14. Schuyt, K., Taverne, E. (2004) Dutch Culture in a European Perspective: 1950, Prosperity and Welfare. Uitgeverij Van Gorcum.
15. Tafuri, M. (1995) Venice and the Renaissance. MIT Press.
16. Tschertes B. (2004) «We want to eliminate all traces of the war!». Post-war reconstruction in Soviet Posters. In: Happy cities and Public Happiness in Post-War Europe. Ed. Wagenaar C. Rot-

terdam: 010 Publishers.

17. Tscherkes B. (1948) Rotterdams nieuwe binnenstad. Bouw, 3.

18. Vragen en antwoorden. (1947). Bouw,#1

19. Wagenaar, C. (2011) Town Planning in the Netherlands since 1800. Rotterdam: 010 Publishers

Malich Ksenia A.
Researcher,
State Hermitage,
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kseniamalich@gmail.com

Article submitted 08.04.2014
The online version of this article can be found at: http://archvuz.ru/2014_2/9
© Malich K.A. 2014
© USAAA 2014